

История и литература:

ПРОШЛОЕ

и современность

Тезисы научно-практической конференции (9 марта, 2019 г.)
на базе Центра современной литературы и книги на Васильевском.

История создания «Пушкинской энциклопедии “Михайловское”»

Гаврилова Евгения Александровна

Связь А. С. Пушкина с псковским краем освещена в литературе, казалось бы, достаточно. Однако систематизированного свода знаний о псковском периоде жизни поэта долгое время не существовало. Этот пробел в пушкиннаде был впервые восполнен изданием «Пушкинской энциклопедии “Михайловское”» (М.: Кириллица, 2003. Т. 1. 448 с.) под редакцией пушкиниста, сотрудника музея-заповедника «Михайловское» кандидата педагогических наук И. Т. Будылина.

В составлении книги принимали участие специалисты не только из заповедника, но и из Москвы, Санкт-Петербурга, Великих Лук и Пскова. Многие материалы историко-краеведческого и историко-биографического характера, основанные на архивных изысканиях, были введены в научный оборот впервые. В основе всех статей – биографические и творческие связи А. С. Пушкина с Псковской землей.

Издание может использоваться и как подробный путеводитель по пушкинскому краю. Отдельно рассматриваются вопросы формирования и развития Пушкинского заповедника как социокультурного явления конца XIX – конца XX вв.

Форма энциклопедии была выбрана не случайно. Она позволила наиболее полно очертить круг тех проблем, над которыми работали ученые-пушкинисты и сотрудники Пушкинского заповедника, передать читателю в сжатой форме ответы на вопросы, наиболее часто задаваемые посетителями заповедника. К тому же форма энциклопедии дает возможность в случае переиздания добавить новые сведения в удобной для читателя форме.

В значительной мере Энциклопедию можно считать подведением некоторых итогов в деле

многолетнего изучения жизни и творчества А. С. Пушкина в Михайловском.

Важнейшим толчком в работе над Пушкинской энциклопедией стали 100-летний юбилей С. С. Гейченко и необходимость осмысления оставленного им музейного наследия. Как признаются авторы энциклопедии: «Нам хотелось создать книгу-путеводитель по Пушкиногорью, содержащую систематически изложенные знания о жизни поэта на псковской земле и о жизни “пушкинского уголка” Псковщины после Пушкина. Сотрудники Пушкинского заповедника, воспитанные старшим поколением работников музея во главе с С. С. Гейченко, этой работой отдадут долг памяти нашим коллегам и учителям».

Художественный образ кушца Г. А. Башкирова в очерке краеведа и историческая истина

*Герасенко Лилия Валентиновна,
Санкт-Петербургский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена (филиал в г. Выборг)*

Для каждого человека важна правдивость информации, однако, зачастую в изложении истории предлагаются вымышленные факты и мифы. Журналист или краевед в жанре исторического очерка предлагает читателю занимательный сюжет, описываемая им реальность получает художественное воплощение, представленный в очерке материал становится интересным широкому кругу читателей.

Книга южноуральских авторов Е. Скобелкиной и И. Шамсутдинова “Возвращаясь к прошлому”, изданная в 1993 г., является подборкой исторических очерков об истории г. Троицка. Эта работа привлекла мое внимание по причине изложения авторами в очерке “Предприниматели

История и литература:

ПРОШЛОЕ

и современность

Тезисы научно-практической конференции (9 марта, 2019 г.)
на базе Центра современной литературы и книги на Васильевском.

История создания «Пушкинской энциклопедии “Михайловское”»

Гаврилова Евгения Александровна

Связь А. С. Пушкина с псковским краем освещена в литературе, казалось бы, достаточно. Однако систематизированного свода знаний о псковском периоде жизни поэта долгое время не существовало. Этот пробел в пушкиниане был впервые восполнен изданием «Пушкинской энциклопедии “Михайловское”» (М.: Кириллица, 2003. Т. 1. 448 с.) под редакцией пушкиниста, сотрудника музея-заповедника «Михайловское» кандидата педагогических наук И. Т. Будылина.

В составлении книги принимали участие специалисты не только из заповедника, но и из Москвы, Санкт-Петербурга, Великих Лук и Пскова. Многие материалы историко-краеведческого и историко-биографического характера, основанные на архивных изысканиях, были введены в научный оборот впервые. В основе всех статей – биографические и творческие связи А. С. Пушкина с Псковской землей.

Издание может использоваться и как подробный путеводитель по пушкинскому краю. Отдельно рассматриваются вопросы формирования и развития Пушкинского заповедника как социокультурного явления конца XIX – конца XX вв.

Форма энциклопедии была выбрана не случайно. Она позволила наиболее полно очертить круг тех проблем, над которыми работали ученые-пушкинисты и сотрудники Пушкинского заповедника, передать читателю в сжатой форме ответы на вопросы, наиболее часто задаваемые посетителями заповедника. К тому же форма энциклопедии дает возможность в случае переиздания добавить новые сведения в удобной для читателя форме.

В значительной мере Энциклопедию можно считать подведением некоторых итогов в деле

многолетнего изучения жизни и творчества А. С. Пушкина в Михайловском.

Важнейшим толчком в работе над Пушкинской энциклопедией стали 100-летний юбилей С. С. Гейченко и необходимость осмысления оставленного им музейного наследия. Как признаются авторы энциклопедии: «Нам хотелось создать книгу-путеводитель по Пушкиногорью, содержащую систематически изложенные знания о жизни поэта на псковской земле и о жизни “пушкинского уголка” Псковщины после Пушкина. Сотрудники Пушкинского заповедника, воспитанные старшим поколением работников музея во главе с С. С. Гейченко, этой работой отдают долг памяти нашим коллегам и учителям».

Художественный образ купца Г. А. Башкирова в очерке краеведа и историческая истина

*Герашенко Лилия Валентиновна,
Санкт-Петербургский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена (филиал в г. Выборг)*

Для каждого человека важна правдивость информации, однако, зачастую в изложении истории предлагаются вымышленные факты и мифы. Журналист или краевед в жанре исторического очерка предлагает читателю занимательный сюжет, описываемая им реальность получает художественное воплощение, представленный в очерке материал становится интересным широкому кругу читателей.

Книга южноуральских авторов Е. Скобелкина и И. Шамсутдинова “Возвращаясь к прошлому”, изданная в 1993 г., является подборкой исторических очерков об истории г. Троицка. Эта работа привлекла мое внимание по причине изложения авторами в очерке “Предприниматели

и купцы” фрагментов из биографии купца Г.А. Башкирова. Южноуральский купец короткий период своей жизни с 1917 по 1919 гг. владел одним из крепких хозяйств Укспя под Выборгом (мир выборгских усадеб поле моих исследований), в дальнейшем эмигрировал во Францию, позднее в Марокко. В очерке Е. Скобелкина и И. Шамсутдинова изложена часть биографии купца Г.А. Башкирова, до периода 1913 г. Авторы книги “Возвращаясь к прошлому” отметили, что “книга не претендует на всеобъемлющие, исчерпывающие ответы... она может явиться первоначальной информацией для краеведов, будет способствовать поиску более глубоких, более обоснованных краеведческих тем”¹. Вместе с тем отмечено, что в основу книги положены архивные документы, выдержки из исторической и мемуарной литературы, дореволюционных Троицких газет “Зауралье” и “Степь”, широко использованы воспоминания старожилов, личные авторские наблюдения и поиски”².

В очерке “Предприниматели и купцы” в живых и ярких красках представлен сюжет о том, как “в круг именитых купцов первой гильдии напористо ворвался вчера еще никому неизвестный молодой купец Г.А. Башкиров, который сходу, слету, напрочь отменяя обычаи и замшелые традиции первостатейной купеческой касты, даст понять, что им он не ровня”. Очерк о Г. А. Башкирове написан без упоминания каких либо ссылок или имен, что допустимо, т. к. жанр исторических очерков и не требует этого. Авторы приводят занимательные факты из жизни купца, но при этом сообщают, что эти факты взяты из “рассказов одного из старожилов” или “собеседников, кому в свое время приходилось общаться с Башкировым”. О первоначальном капитале купца приведено несколько версий, автор пишет: “Какая из этих версий верна трудно сказать”³. Однако, автор противоречит и самому себе, в другом очерке этой книги “Город великих торжищ” он пишет: “Первоначальное накопление капитала строилось, как правило, на обмане ближайшего, на разбое, грабежах и даже крови. Исключение составляли купцы, которым, как к примеру, тому же Башкирову нежданно негаданно повезло с наследством”⁴.

По моему мнению, авторы исторических тем, пишущие даже в жанре художественно-публицистической литературы, предлагая читателям ссылки, проявляют большую заинтересованность в раскрытии темы, заинтересованность в более точных данных и менее озабочены в насыщении занимательными фактами для распространения популярной литературы. Интересная мысль была высказана известным уральским сказителем П. П. Бажовым: «Писатель, собравши материал, как-то по-своему перерабатывает его. В нашем деле требуется прежде всего точность записи, умение отобрать ценное, надлежа-

ще его изучить, а потом уже давать читателю. Собиратель устного творчества “ответственный секретарь народа” – какое это высокое звание!»

Замечу, что работа Е.Скобелкина и И.Шамсутдинова появилась в начале 90-х годов XX в. периода мощного наплыва исторических мифов даже в работах профессионалов-историков. Агроном, журналист, редактор районной газеты Е. И. Скобелкин приводит в работе цитаты, по его мнению большого знатока исторического прошлого России доктора экономических наук, вице-президента Союза предпринимателей и арендаторов России П.Т.Драчева (до настоящего времени мне не удалось выявить хоть каких-то работ по истории России этого автора). Иного, более “авторитетного” историка в период первоначального накопления капитала российского капитализма 90-х и не найти! Приведу еще одну цитату Е. И. Скобелкина из очерка о Г. А. Башкирове: “Не в первоисточниках капитала Г. Башкирова суть дела, а в том, как споровисто, с каким предпринимательским риском сумел он пустить в большой оборот сравнительно небольшую изначальную сумму денег”⁵.

Купец Башкиров (без инициалов) упоминается в работе В. И. Мусаева «Общественная жизнь русской диаспоры в Финляндии». Г.А.Башкиров назван в работах А.В.Смолина, А.И. Ушакова, о владельце усадьбы Укспя Башкирове (так же без инициалов) “московском хлебном короле” дается небольшая справка в книге О. Меурмана и книге Тиенхаара. В книге к.и.н. В. В. Мальцева, изданной в 2016 г.⁶, упоминания о Г.А Башкирове отсутствуют. Окончательно прояснить ситуацию удалось при обнаружении ряда документов в ЛОГАВ, которые я готова представить в своем выступлении.

**Роль историка и писателя
в подготовке сценария
(на основе анализа современных
отечественных фильмов)**

*Грузнова Елена Борисовна,
Российская национальная библиотека*

В последние годы в России отмечены нарастающим интересом создателей документальных и художественных фильмов к сюжетам из отечественной истории. Во многом это результат политики, реализуемой Министерством культуры РФ. Но гораздо более значимо наличие запроса со стороны общества именно на такое кино. Люди хотят открывать для себя всё новые грани прошлого своей страны. И в решении этой задачи кино действительно оказывается важнейшим из всех искусств. Поэтому существенно, насколько адекватно авторы сценария и участники съёмочного процесса передают не только антураж той или иной эпохи, но и её смыслы.

¹ Скобелкин Е., И Шамсутдинов И. Возвращаясь к прошлому. Троицк, 1993. С.7.

² Там же; ³ Там же. С. 100; ⁴ Там же. С.63. ⁵ Там же. С. 100. ⁶ Мальцев В.В. Башкировы вчера и сегодня. М., 2016.

На протяжении многих десятилетий при подготовке сценариев как художественных, так и документальных фильмов основную роль играли и продолжают играть журналисты и писатели с их специфическим восприятием и отражением реальности. Именно они производят первичный отбор тех материалов, которые ложатся в основу сценария и определяют сквозные идеи будущего произведения. В документальном кино, посвящённом темам из области естествознания, медицины, техники, прикладных наук сценарист, не обладающий специальными знаниями в данной сфере, предпочитает опираться на информацию профессионалов и уточнять каждую деталь у научных консультантов. Иначе обстоит дело с историческим жанром.

Вследствие обесценивания результатов советской исторической науки, связанного со сменой государственного строя, характерной чертой современного общества стало снисходительно-насмешливое отношение к историкам и их труду, отрицание его научного значения. Массовая публикация исторических документов и их распространение через социальные сети в формате, пригодном для популяризации, породили иллюзию лёгкости освоения исторического знания без какой-либо специальной подготовки. Возобладало представление о том, что «каждый сам себе историк». В художественном кино это привело фактически к полному отказу от обращения к помощи учёных-историков на этапе подготовки сценариев, особенно в тех случаях, когда исторические события являются не основой, а лишь фоном для вымышленного сюжета. В кинодокументалистике же к созданию фильма стали привлекать не наиболее крупных специалистов по теме, а случайных людей (часто вовсе не историков), которые могли раньше вообще никогда не заниматься данным кругом вопросов, но проявили готовность оказать содействие и подтвердить нужную сценаристу идею если не за вознаграждение, то хотя бы за возможность увидеть своё имя в титрах, либо были использованы в этом процессе помимо своей воли.

Подобный подход приводит к тому, что документальные фильмы на исторические темы стали преимущественно публицистическими. При этом их авторы либо ограничиваются представлением какого-то очень узкого вопроса без выхода на широкий исторический контекст, на основе лишь ограниченного набора документов и артефактов, для рассказа о которых обычно привлекается их хранитель – сотрудник архива, музея, библиотеки. Либо этот контекст приобретает совершенно фантастический облик, имеющий мало общего с реальной историей, поскольку из всего спектра научных концепций выбирается только одна, наиболее приглянувшаяся сценаристу в силу созвучности его взглядам и взглядам потенциального режиссёра. Существенно, что выбор обычно падает на псевдонаучные или слабо проработанные концепции, поскольку в них преобладает не научное, а художественное нача-

ло, закономерно привлекающее внимание представителей творческих профессий. В результате современные документальные фильмы в большинстве своём мало чем отличаются от художественных.

В художественном кино наблюдается перекокс другого рода. Расцвет движения реконструкторов, увлечённых изучением и точным воспроизведением внешней стороны исторических процессов и явлений, сделал их желанными гостями не только у режиссёров, но и у сценаристов. По сути, они подменили собой научных консультантов, поскольку дотошное знание ими мелких деталей вещественной культуры превратило их в глазах писателя, имеющего об истории лишь общее представление, в настоящих экспертов. Среди реконструкторов действительно встречаются настоящие знатоки и даже люди с историческим образованием, но они могут консультировать лишь в той узкой области, которой занимаются. Для воспроизведения же исторического контекста нужны специалисты совсем иного профиля, обладающие целостным восприятием истории и умеющие грамотно показать место одной детали во взаимосвязи с другими. Непонимание этой специфики приводит к появлению в фильмах большого количества исторических ошибок, порой столь очевидных, что они вызывают недоумение даже у тех, кто изучал историю только в школе, как это произошло, например, с фильмом «Викинг».

Эта ситуация может измениться в лучшую сторону лишь в том случае, если вспомнить, что образование историка подразумевает хорошее владение словом. Качественный сценарий для документального фильма на историческую тему может подготовить только историк. И в большинстве случаев ему для этого вовсе не нужен писатель – здесь, скорее, понадобится тесный контакт с режиссёром, который позволит учесть возможность визуализации тех или иных фрагментов текста. При создании же художественного фильма историк должен быть либо одним из соавторов сценария (если это фильм на историческую тему), либо научным консультантом (если речь идёт об историческом контексте сюжета). Причём первое не исключает второго, поскольку любой историк специализируется на определённой теме, так что поправки коллег по тем моментам, которые не относятся к сфере его интересов, будут работать на улучшение качества сценария, а значит – и конечного результата.

Противоречие как сквозной сюжет русской литературы

*Миронов Данила Андреевич,
Первый Санкт-Петербургский
государственный медицинский
университет им. академика И.П. Павлова*

Русская литература в своем историческом развитии за последние два столетия XIX–XX вв.

прошла определенный путь развития, который может быть осмыслен с разных сторон, включая и философский. Нами делается акцент на теме противоречия, которое является осевым и сквозным в русской литературе обозначенного периода. Сюжетом главных романов русской литературы, известных из школьной программы и за её пределами, очень часто является противоположность, олицетворенная парой героев, переходящая в конфликт (Онегин – Ленский, Печорин – Грушницкий, Базаров – П.П. Кирсанов, Лаевский – Фон Корен и т. д.). Тенденция к противопоставлению героев сохранена и в обширной литературе советского периода. Особенностью противопоставления является устойчивое и кажущееся неизбежным разрешение противоположности в противоречие, оканчивающееся конфликтом (например, дуэль и смерть одного из главных героев). Причём, победивший герой вовсе не является героем и не олицетворяет истинную сторону дела, а, как правило, оценивается автором произведения как «лишний человек». Таким образом, тенденция русской литературы превращать противоположность в противоречие и разрешать последнее в конфликте с отсутствием развёрнутого смысла исторически приобрела устойчивый характер на протяжении последних 200 лет.

С точки зрения гегелевской философии, которая была известна русским писателям и имела глубокую рецепцию в русском культурном пространстве (начиная с кружка Станкевича), описанную тенденцию можно представить как исторически развёрнутый акт постижения мышлением самого себя в последовательном ряду сменяющихся друг друга форм. Многообразие существующих интеллектуальных форм русского общества схватывается писательским рассудком, получая литературно оформленную типологию в форме противопоставления двух оппозиций мышления героев (как правило, бинарная оппозиция) как противоположность (зачастую диалектическая противоположность). Положенная противоположность логически могла бы иметь некий средний член, гармонично уравнивающий две крайности. Однако в русской литературе исход иной: по ходу раскрытия сюжета противоположности претерпевают развитие до такой степени, что переходят в форму противоречия, при котором больше уже невозможно никакое примирение. Идеальный конфликт героев достигает пика и приходит к разрешению через дуэль, смерть, трагическую гибель героя (-ев). Обозначенная негативное разрешение может быть понято в контексте гегелевской философии как этап негативно-разумной (диалектической) фазы развития мышления русского писательского сообщества. В то время, как гегелевская диалектика предлагает разрешить («снять») диалектическое противоречие в пользу более высокой степени познания в позитивно-разумном или спекулятивном мышлении, русская литература консервируется и замыкается в круговое движе-

ние исключительно на диалектической фазе. От В.Г. Белинского до текстов В.И. Ленина (реализм) и далее в социалистическом реализме негативно-разумное (диалектическое мышление) остаётся неизменным и не претерпевает никакой эволюции в сторону позитивно-разумного (спекулятивного) мышления.

Таким образом, изучение русской литературы в историческом контексте последних двух веков приводит нас к выводу, что бесконечные кризисы, «лишние люди», манифесты и прочие литературные эксцессы и скандалы связаны исключительно с недоразвитием спекулятивного мышления русских литераторов и в целом русского общества в указанный период, отсутствием и недостаточным познанием философской парадигмы, на которой она базируется, – в её логическом, метафизическом и культурном контекстах.

Константинополь в византийской апокалиптической литературе VIII–X вв.

*Морозов Максим Анатольевич,
Санкт-Петербургский
государственный университет*

Согласно утверждению Священного Писания, кульминация христианской истории спасения влечет за собой окончательное разрушение земного царства. Однако идеология Византийской империи основывалась на образе непобедимой и устойчивой власти. Следовательно, каждый подданный императора сталкивался с непреодолимым внутренним противоречием между христианской эсхатологической мыслью и императорской идеологией. Единственный способ разрешить это противоречие заключался в том, чтобы предположить, что эти идеи, в конце концов, сходятся в одной точке. Византийская империя в целом и Константинополь в частности должны были играть видную роль в событиях последних дней. Поэтому можно утверждать, что временная и пространственная близость к Царству Небесному означала, что империя и ее центр пользовались привилегированным положением в провиденциальной схеме, определенной Богом. Здесь я рассматриваю роль Константинополя в этой схеме сближения. Исследуемый материал источников состоит в основном из византийской апокалиптической литературы: это Апокалипсис Псевдо-Мефодия Патарского, различные апокалиптические повествования, входящие в общий круг произведений, объединенных названием «Видения Даниила», «Апокалипсис Андрея Юродивого».

Наиболее существенной чертой сирийского Апокалипсиса Псевдо-Мефодия являлось введение сюда византийской императорской идеологии. Она представлена образом Последнего Римского императора, который в конце времен будет править всеми христианами и освободит их от владычества мусульман. Приближающееся

пришествие антихриста заставит его отречься от престола в Иерусалиме, тем самым устранив катехон (удерживающего), под которым обычно и понималась власть римского, то есть византийского императора. Константинополь в Апокалипсисе ни разу не упоминается. Это нежелание упоминать императорскую столицу по ее названию отчасти связано с отсутствием ее названия в канонической литературе.

Переписывание, интерполяции и изменения в историческом и апокалиптическом рассказах по сравнению с оригинальным сирийским текстом Апокалипсиса Псевдо-Методия начались еще в первом греческом переводе этого произведения и продолжались в его более поздних версиях. По сравнению с сирийским апокалипсисом, в данное произведение были включены важные понятия византийского политического богословия, отражающие также тенденции VII в., такие как усиление внимания к почитанию Креста и возросшее религиозное значение церемонии императорской коронации в центральном храме Константинополя. Возрастающая роль Константинополя в этих новых эсхатологических сценариях была обусловлена как повышением значения этого города как имперской столицы, так и военными столкновениями с мусульманами. В их числе и такие катастрофические события, как две осады Константинополя арабами в 674–678 и 717–718 гг. В какой-то степени это связано с переносом в Царский город реликвии Истинного Креста из Иерусалима в 635/636 г. ввиду растущей мусульманско-арабской угрозы для Священного города. Учитывая неустойчивый и изменчивый характер византийской политической эсхатологии, греческий вариант Апокалипсиса Псевдо-Методия служила настоящей основой для последующей византийской апокалиптической литературы. Но уже в ней Константинополь предстает одновременно и в качестве Нового Иерусалима, центра Империи христиан и Нового Израиля, и в качестве Нового Вавилона, который должен быть уничтожен во время катастрофических событий последних дней.

**Поэзия детей о событиях
на Советско-Финляндской войне
(1939-1940 гг.)**

*Мусин Мирхат Мидхатович,
краевед (г. Выборг)*

В выступлении рассказывается о поэзии детей их переживания и чувства о происходящих событиях на Советско-Финляндской войне (1939-1940 гг.)

Все население СССР внимательно следило за боевыми действиями. Внимательно читали оперсводки и очерки о фронтовых буднях, которые публиковались в периодической печати. Волновались за судьбу своих родственников и знакомых: призванных на учебные сборы и оказавшихся на театре военных действий. Все старались

оказать посильную помощь военнослужащим. Об этом написал Борис Шмидт в поэме «Ленинградская повесть», где говорится, как собирали теплые вещи, а вечерами слушали сводки.

Так же эмоционально излагают свои мысли молодое поколение страны Советов. В те годы при каждом Доме Пионеров, журнале и газете образовывались литературные кружки, где под руководством своих наставников узнавали о творчестве писателей и поэтов, осваивали грамматику литературного труда и у них появлялись первые публикации в периодической печати. Хотя они ещё поэтически несовершенные, но искренние и передают переживания и боль. Что трогает: чистота изложения своих чувств, им пока чужды «заказные стихи».

Приведем несколько примеров. Вот Юра Забинков пишет, что все мысли и сердце следят за боевыми действиями («Мы идем к тебе, Суоми»). В стихотворении Юры Ховкина («Мой подарок»), ученика школы № 32 Фрунзенского района г. Ленинграда, пишется, как мама вышивает в подарок платок, а он сам отправит томик стихов. А Вера Скворцова, школьница 8 класса школы № 5 Петроградского района г. Ленинграда, передает свою боль в стихотворении «Письмо»

Работая с газетами той поры, удалось найти опубликованные стихотворения ученика средней школы № 3 В. Макеева из города Стерлитамака Башкирской АССР, посвященные подвигам земляков – Г. Пулькина, И. П. Аляева, ставших героями Советского Союза.

В целом, предпринята первая попытка рассказать о творчестве молодых поэтов и ввести в научный оборот их литературное наследие.

**«Возле леса жить – голоду не видать»:
лесные промыслы крестьян северо-западных
губерний во второй половине
XIX–начале XX века
в русских пословицах и поговорках**

*Никулин Валерий Николаевич,
Балтийский федеральный
университет им. И. Канта*

Климат Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской губерний отличался умеренно теплым летом и продолжительной зимой с периодическими оттепелями и другими природными аномалиями. В регионе преобладали преимущественно малоплодородные глинистые, суглинистые, подзолистые и болотистые почвы. Тем не менее, подавляющая часть крестьян связывала свое благополучие с сельским хозяйством. «Держись крепче сохи да бороны!» такова была жизненная установка земледельцев. Повседневная хозяйственная деятельность крестьян находила своё отражение в устном народном творчестве, в том числе она способствовала появлению множества пословиц и поговорок. Часть из них получила широкое распространение в среде крестьян.

Суровая природа и скудость земли заставляли крестьян для поддержки хозяйства прибегать к неземледельческим занятиям, способствовали развитию различных промыслов. Значительная часть неземледельческих доходов использовалась крестьянами для покупки недостающего хлеба и уплаты податей. Недаром крестьяне говорили, что «соха кормит, веретено одевает, а подати на стороне». Одновременно крестьяне отмечали необходимость сохранять связь с родной стороной. Об этом свидетельствует поговорка, широко распространенная среди сельских тружеников: «Ищи оброк на стороне, а дом люби по старине!»

Среди многочисленных неземледельческих занятий крестьян особое место занимали лесные промыслы, что было обусловлено наличием обширных лесных массивов, где росли деревья различных пород: береза, дуб, ель, липа, ольха, осина, сосна и др. Только в таких условиях могли появиться и получить широкое распространение среди крестьян поговорки, что «Лесная сторона не одного волка и мужика досыта кормит» или «Лес поит, кормит, одевает, укрывает, согревает». Особое место среди лесных промыслов занимала зимняя заготовка леса для строительства и промышленных предприятий лесопилок и шпалопропиточных заводов, поставивших свою продукцию железным дорогам, а также топлива для населения, в частности, для жителей Санкт-Петербурга. Характеристика этих занятий крестьян и их отражение в пословицах и поговорках заслуживают отдельного разговора.

Помимо заготовки леса крестьяне активно занимались промыслами, связанными с использованием и обработкой лесных материалов. Широкое распространение таких промыслов привело к появлению шуточной пословицы «Столяры да плотники от бога прокляты; за то их прокляли, что много лесу перевели».

Бондарный промысел по изготовлению бочек, кадок, ведер, шаек, лоханей, ковшей и пр., распространенный повсеместно, способствовал появлению многих пословиц, поговорок, загадок в которых содержится характеристика мастерства бондарей («Все бондаря, да немногих благодарят»), орудий труда, которыми они пользовались, меткие «портретные» зарисовки изготовленных изделий («Утка в море, хвост на заборе» [ковш]; «У туши уши, а головы нету» [ушат]; «Три ноги, два уха да шестое брюхо» [лохань] и др.). Сырьё для своих изделий бондари покупали в частновладельческих или казённых лесных дачах.

Многие крестьянские хозяйства занимались плотничьим и столярным промыслами, в которых главная роль принадлежала топору. Об этом самом главном инструменте любого плотника, либо столяра сложено немало пословиц и поговорок.

«Топор всему делу голова», «Топор одевает, топор обувает», «От топора щепки летят, подати оплачивают», «Плотник без топора что изба без угла» говорили мастера. В некоторых поговорках зафиксирован тяжёлый характер труда плотника: «И с топора не богатеют, а горбатеют»; «Пилить пилой, гнуться спиной». Помимо топора и пилы, постоянно находившихся в руках крестьян, занятых плотничьим или столярным промыслом, в поговорках зафиксирована характеристика прочих инструментов и орудий труда: «Клеск да рубанок столяру отцы родные»; «Без клина и плахи не расколешь. Клин плотнику товарищ».

Бондарные изделия были крайне необходимы в каждом крестьянском дворе и потому мастера-бондари имелись во многих селениях. Устойчивый спрос на продукцию бондарей и наличие сырья для её изготовления сделали бондарный промысел одним из наиболее стабильных и распространенных промысловых занятий крестьян северо-западной деревни.

Обитатели отдельных крестьянских дворов в свободное от полевых работ время занимались изготовлением деревянной точёной посуды и ложек. «Бьют баклуши» поговоркой, получившей широкое распространение, характеризовали работу таких мастеров крестьяне, а загадкой «Выну изо рта ягоду, оближу и опять положу» [ложка] одно из самых массовых изделий. Готовая продукция сбывалась местным жителям и скупщикам, которые затем вывозили деревянную посуду на крупные ярмарки для оптовой продажи.

Крестьяне занимались также экипажным, щепным, корзиночным, лапотным и др. промыслами по обработке дерева. По своим масштабам лесные промыслы значительно превосходили все другие вместе взятые неземледельческие занятия крестьян.

Промыслы, как местные, так и отхожие, являлись для крестьян главным источником денежных поступлений, в то время как сельское хозяйство обеспечивало жителей северо-западной деревни преимущественно продуктами питания. Занятия промыслами способствовали изменению уклада всей крестьянской жизни.

Газета «Гудок» как источник по истории железных дорог и других объектов транспортного строительства

*Спиридонова
Екатерина Константиновна,
Музей ПАО «Ленгипротранс»*

Газета «Гудок» привлекала внимание исследователей в рамках темы о развитии в 1920-е гг. на ее страницах такого жанра, как фельетон¹. Что касается выпусков «Гудка» в XXI в., они также

¹ Кузнецов П.В. Своеобразие фельетонистики 1920-х гг. в газете «Гудок» / автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. ф. н. М., 2011. С. 3; Сидорова Ю.А., Мансков С.А. Специфические особенности фельетонов газеты «Гудок» 1920-х годов // Медиаисследования. №4–2. 2017. С. 82–89, и др.

становились объектом изучения в работах по журналистике². При этом в качестве исторического источника газета рассматривалась, как правило, отрывочно, в процессе раскрытия той или иной узкой темы по истории транспортных объектов. В ходе комплексного обзора в докладе показано, как в «Гудке» в различное время приводилась информация, позволяющая судить о тенденциях в развитии транспортной инфраструктуры.

В 1920-е гг., когда в стране остро ощущалась необходимость восстановления железных дорог, газета «Гудок», безусловно, сыграла немаловажную роль в призыве населения к их воссозданию³. Встречаются заметки о коммунистических субботниках⁴, о необходимости бороться с нерадивой работой кадров на местах и с кражами казенного имущества. Появляются публикации о восстановлении или строительстве транспортных объектов⁵, о работе заводов, о зарубежном метро. На четвертой полосе регулярно рассказывается о состоянии водного транспорта.

1930-е гг. знаменуются переходом к целенаправленной подготовке квалифицированных инженеров путей сообщения⁶. В «Гудке» появляются первые статьи о необходимости четко распланированных и согласованных действий при проектировании объектов капитального строительства⁷.

Значимость транспорта в Великую Отечественную войну и вовсе сложно переоценить. «Гудок» играет роль идеологического рупора,

поддерживающего боевой дух железнодорожников⁸. На первых полосах — сообщения Совинформбюро, обращения НКПС, сводки о военных действиях, призывы к дисциплине и бдительности работников железных дорог⁹, рассказы об их трудовых успехах¹⁰, а также обзор иностранной прессы.

В 1950-е гг. в «Гудке» вновь, как и до войны, печатаются художественно-публицистические рассказы, посвященные жизни железнодорожников и пассажиров¹¹. Выходят статьи экономической тематики¹². Во многих из них говорится о тесной взаимосвязи научных достижений и их применения на железных дорогах¹³. Не случайно, в «Гудке» публикуются приглашения для поступления в железнодорожные техникумы, которых насчитывается уже несколько десятков по всей стране¹⁴, готовится новое поколение кадров.

В 1960-е гг. по-прежнему публикуются новости советской и мировой политики. Выходят заметки о достижениях промышленности¹⁵ и о необходимости внедрения ЭВМ. Встречаются упоминания о воздушном, водном и автотранспорте, а также о космических спутниках¹⁶. Обсуждается роль транспорта в интенсификации сельского хозяйства. Даются краткие событийные и исторические заметки об успехах и рекордах железнодорожного транспорта. Среди корреспондентов проводятся конкурсы на лучшие фотозаписи. Открывается новая рубрика «Юридическая консультация «Гудка».

² Самоварова М.А. Коммуникативная стратегия газеты ОАО «РЖД» «Гудок» // Журналистика в системе альтернативных источников информации: Сборник материалов научной конференции кафедры журналистики 14 марта 2017 года. Н. Новгород, 2017. С. 156–157.

³ Юрчак В.А., Руднева С.Е. Роль газеты «Гудок» в восстановлении железнодорожного транспорта в годы войны и революции 1917 года // Как наше слово отзовется: гуманитарное образование в развитии российского социума и человека. Шадринск, 2017. С. 971–973.

⁴ [Б. а.] Результаты первомайского субботника на жел[езной] дор[оге] Московского узла // Гудок. 1920. №1. С. 3; [Б. а.] На Николаевской железной дороге // Там же; Мандельштам А. К годовщине субботников. Коммунистический труд // Гудок. 1920. №2. С. 3.

⁵ [Б. а.] Возрождение Волго-Бугульминской железной дороги // Гудок. 1920. №20. С. 2; [Б. а.] 1-го июня открылось прямое беспересадочное движение Тюмень — Петербург // Там же.

⁶ [Б. а.] Новый отряд специалистов транспорта // Гудок. 1930. №1 (2888). С. 1. — С 1930 г. начинает выходить и приложение «Гудка» — иллюстрированный транспортно-технический журнал «На рельсах», адресованный железнодорожникам.

⁷ [Б. а.] В президиуме ЦК союза // Гудок. 1930. №2 (2889). С. 3; Постройка моста через Волгу у Саратова // Там же. С. 4.

⁸ [Б. а.] Все для фронта, все для Победы! // Гудок. 1941. №79 (6286). С. 1.

⁹ [Б. а.] Перестроим всю нашу работу на военный лад, подчиним все интересам фронта и задачам организации разгрома врага // Гудок. 1941. №80 (6287). С. 3; [Б. а.] Святой долг советских железнодорожниц // Там же. №82 (6289). С. 1; Белоусов М. За образцовое продвижение поездов // Там же. №86 (6293). С. 3.

¹⁰ См., напр.: Караковский В. Образцы экономии металла (Всемерно используем ресурсы в условиях военного времени) // Гудок. 1941. №81 (6288). С. 3; [Н-ская дорога. Корр. «Гудка»]. Дорога через мост // Там же. №146 (6353). С. 3.

¹¹ [Б. а.] Газетный киоск на вокзале // Гудок. 1953. №105 (8394). С. 3.

¹² Абрамов А., Боброва Л. Улучшить нормирование оборотных средств // Там же. С. 2; [Корр. «Гудка».] Дорожная экономическая конференция на Латвийской // Там же.

¹³ [Корр. «Гудка».] Связь ученых с производством // Гудок. №106 (8395). С. 2.

¹⁴ [Б. а.] Главное управление учебными заведениями МПС объявляет с 1 июня 1953 г. прием учащихся в техникумы железнодорожного транспорта на 1953–54 учебный год // Гудок. №110 (8399). С. 4.

¹⁵ [ТАСС.] Белоярская атомная дала ток // Гудок. 1964. №105 (11765). С. 1; [Б. а.] Павильоны ВДНХ ждут вас // Там же.

¹⁶ [Б. а.] На голубых трассах // Там же. 1964. №116 (11776). С. 4; [Б. а.] Для вас, воздушные пассажиры // Там же. №128 (11788). С. 4; [ТАСС.] «Космос-30 в полете» // Там же, и др.

В 1970-е гг. освещаются новости о строительстве БАМа¹⁷. Регулярно выходят статьи о железнодорожных музеях страны¹⁸, а также новости культуры. Те же рубрики поддерживаются и в 1980-е гг.¹⁹

1990-е гг. и первые десятилетия XXI вв. связаны с изменениями в концепции газеты²⁰. Однако, если проследить в ней преемственность исторических традиций начиная с самых первых выпусков, то заметно, что проблематика газеты отчасти сохранилась до наших дней: издание рассказывает о новостях железных дорог страны, о людях, которые на них трудятся, о региональных и всероссийских культурных мероприятиях, о происшествиях и недочетах на транспорте, о перспективах его развития. В XXI в. газета «Гудок» и ее интернет-версия²¹ — это современное корпоративное издание, базирующееся на социальной и экономической тематике.

В.С. Маслов – воин, ученый, администратор

Талашов Григорий Петрович

Виктор Сергеевич Маслов (14.09.1923 – 15.11.2017, Ленинград) – ветеран Великой Отечественной войны, член КПСС с декабря 1942 года, кандидат филологических наук, литературовед-некрасовед, языковед.

Родился в рабочей семье. Отец – участник Гражданской войны, токарь, мастер цеха, председатель профкома завода «Красногвардеец» умер в 1937 году. Мать, чтобы прокормить семью (двое сыновей и дочь), подрабатывала портнихой. Четырнадцатилетний Виктор после окончания семилетки поступил в Седьмую специальную артиллерийскую школу, которую окончил 16 июня 1941 г., 19 июня был зачислен без экзаменов в Ленинградское артиллерийское училище № 3 (ЛАУ) и сразу оказался в военно-тренировочном лагере под Лугой.

22 июня курсантов собрали в Ленинской комнате, где все слушали выступление по радио В.М. Молотова о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Растерянности среди курсантов не было, как не было сомнений в нашей окончательной победе. Артиллерийское училище перевели в Кострому, где курсанты за восемь месяцев напряженной учебы днем и ночью прошли обучение, рассчитанное на три года, и им вручили лейтенантские «кубари». В феврале 1942 г. В.С. Маслов был направлен в Москву, в отдел кадров гвардейских минометных

частей (ГМЧ, реактивная артиллерия – «Катюши»), где получил назначение на должность начальника артрязведки 123-го дивизиона отдельного полка ГМЧ.

Дальше Калининский фронт, 43-я армия, 34-й гвардейский полк, 2-я батарея (4 тихоходные установки на гусеничном ходу). 23 марта 1943 г. началась наступательная операция на Духовщину севернее Смоленска, во время которой ст. лейтенант В.С. Маслов был ранен в голову осколком снаряда и отправлен в госпиталь. Но во второй половине 1943, несмотря на тяжелое ранение, потерю пятидесяти процентов зрения и запреты врачей, он на попутной машине вернулся в родной полк и был назначен начальником штаба дивизиона. Однако, ранение давало себя знать и все таки пришлось снова госпитализироваться. Врачебная комиссия на сей раз категорически запретила возвращение на фронт, пригрозив, что в случае нарушения дисциплины, отдадут под суд. После демобилизации в 1945 г. гвардии капитан В.С. Маслов возвратился в Ленинград.

С сентября 1945 г. его судьба связана с Ленинградским госуниверситетом им. А.А. Жданова, который он окончил в 1950 г. Затем аспирантура 1950-1953, работа корректором в издательстве ЛГУ и в 1956 г. защита кандидатской диссертации «Первая поэма Н.А. Некрасова «Саша»», выполненной под руководством выдающегося русского некрасоведа профессора В.Е. Евгеньева-Максимова, близким помощником которого он был до его кончины в 1955 г. В 1959 г. В.С. Маслов был избран по конкурсу на должность ассистента Филологического факультета. Организационные способности, чувство ответственности, присущие военному человеку, содействовали быстрому продвижению В.С. Маслова в состав руководства Филфака. В 1961 г., будучи старшим преподавателем, он был назначен заместителем декана Филологического факультета по вечернему и заочному обучению, в 1962 г. – заведующим кафедрой русского языка для иностранцев. Им много сделано для популяризации и изучения русского языка и литературы за рубежом: в Чехословакии и Польше, Канаде и США, на Кубе и в Шотландии. Но все же главным направлением деятельности В.С. Маслова как преподавателя и ученого является изучение жизни и творчества великого русского национального поэта Н.А. Некрасова. Много лет он читал спецкурс и вел спецсеминар по изучению литературного наследия по-

¹⁷ [Б. а.] *Слет строителей БАМ // Гудок. 1975. № 108 (15127). С. 3; Логинов А. На трассе мужества // Там же. № 116 (15135). С. 3; [Б. а.] Мост дружбы Львов – Ургал // Там же. № 122 (15141), и др.*

¹⁸ Скоробогатов О. *В Музее боевой славы московских железнодорожников // Там же. № 108 (15127). С. 4, и др.*

¹⁹ [Б. а.] *Музей старейшего депо // Там же. 1985. № 11 (18046). С. 3, и др.*

²⁰ Самоварова М.А. *Коммуникативная стратегия газеты ОАО «РЖД» «Гудок». С. 167–169.*

²¹ См.: Тяжелова М.А. *Транспортный интернет-портал «Gudok.ru» как средство сетевой коммуникации // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы Международной научно-практической конференции (15–16 сентября 2016 г.) / Под ред. А.Н. Гуда и др. Ростов-на-Дону, 2016. С. 443–450.*

эта, который особенной популярностью пользовался среди студентов-заочников и вечерников. Их так и называли – «масловцы». Из числа учеников В.С. Маслова выросли и кандидаты, и доктора наук.

Кроме Филологического факультета, Виктор Сергеевич читал лекции по истории русской литературы XIX века на факультете Журналистики, занимался исследованием жизни и деятельности видного публициста и критика XIX века, редактора влиятельного журнала «Русский вестник» М.Н. Каткова. Его рукопись журнала хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук.

Ветеран войны считает, что лучше всех о войне писал Лев Толстой. С «Войной и миром» он не расставался долгие годы. В послевоенные годы войну приукрашивали, многое оставалось неизвестным. Хорошие произведения, вроде «Звезды» Э. Казакевича, были редкостью. Потом появились и «Третья ракета» Василя Быкова, и «Горячий снег» Юрия Бондарева, где в главном герое, молоденьком лейтенанте-артиллеристе Маслов узнал себя. В советской литературе война по М. Бубеннову, автору «Белой березы», сменялась войной по К. Симонову, увиденной из журналистского газака (имеется ввиду трилогия Симонова «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето»). Льву Толстому понадобились 40 лет, чтобы описать Отечественную войну 1812 года. Великая Отечественная война была гораздо масштабнее, страшнее, и времени на осмысление ее понадобится больше. Маслов уверен, что война просвечивает каждого, как рентгеновские лучи, и становится ясно, кто трус, а кто надежный товарищ и мужественный человек.

На Филфаке Виктор Сергеевич встретил и свое личное счастье – студентку Ленину Александровну, вернувшуюся с войны с медалью «За отвагу» на солдатской гимнастерке. С тех пор они идут вместе, рука об руку по жизни, уже дождавшись правнуков.

Заядлый спортсмен, он дважды участвовал во Всесоюзных юношеских соревнованиях среди военных школ по самбо, удостоившись однажды похвалы знаменитого Ивана Поддубного. На байдарке исходил вдоль и поперек весь Карельский перешеек, выходя даже в Ладогу.

Когда было особенно трудно, В.С. Маслов занимал кресло заместителя декана. Так было в 1961-1962, 1969-1971, 1973-1975, 1979-1981 гг.

Награжден орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны 1-й степени», двумя орденами «Знак почета», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда», бронзовой медалью «Филологический факультет».

О функции исторических имён в поздних повестях Н. М. Карамзина¹

*Тираспольская Анна Юрьевна,
Санкт-Петербургский
государственный университет*

Проза Н. М. Карамзина, обладая множеством собственно художественных достоинств, среди которых, в частности, можно выделить язык и стиль произведений [1], новаторские способы организации повествования [2], [3] и т.п., несомненно, являет также пример литературы просветительской направленности, призванной обогатить сознание читателей информацией о событиях как современной, так и древней мировой истории. Начиная с самых ранних оригинальных произведений (которые были ещё даже не повестями в строгом смысле этого слова, а прозаическими этюдами), Карамзин всячески стремится подтолкнуть своего «любезного читателя» к расширению кругозора, используя беспроигрышный приём: имплицитно вводя в тексты целые исторические эпохи путём ненавязчивого упоминания, как бы «впроброс», исторических имён – правителей, полководцев, историков и философов, учёных, деятелей культуры и искусства и т.д. Максимально данный принцип сопряжения повествования о, казалось бы, абсолютно «частных делах» людей, не помышляющих и не могущих вершить историю, с широким историко-культурным контекстом современности и прошедших эпох раскрывается в поздних творениях писателя, среди которых следует выделить повесть «Моя исповедь» (1802), незавершённый роман «Рыцарь нашего времени» (1799 – 1803) и характерологический очерк «Чувствительный и холодный. Два характера» (1803).

В «Моей исповеди» собственно исторические имена используются мало, но при этом каждый из присутствующих в тексте антропонимов призван «обогащать» рассказ о в общем-то никчёмной жизни российского знатного дворянина, пустого светского щёголя и мота, упоминанием известной в европейской культуре фамилии и соответствующей эпохи («от господина Менделя, который служил некогда домашним секретарём герцогу **Ришельё**»), включением европейского литературного классицистического контекста («я <...> слышал однажды чтение **Лагарповой** “Мелании”, хвалил без памяти талант автора»), отсылкой к древнегреческой и древнеримской истории («подобно **Альцибиаду**, я стал другим человеком в другой земле», «Я имел счастье <...> разделять забавы их, достойные кисти нового **Петрония**»). Карамзин находит способ включить в повесть даже маленький штрих из истории европейской медицины, когда упоминает, что ловелас граф NN, желая вывести из себя надов-

¹ Тезисы доклада выполнены при поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-012-00321 А «Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века (историко-литературный и лингвистический аспекты)».

ших ему любовниц, «садился на оттоман, зевал,пил **Гофмановы** капли» и т.п.

В повести-очерке «Чувствительный и холодный. Два характера», описывая исключительно жизненные пути двух друзей, автор умудряется подспудно вплести в ткань повествования самые разные исторические эпохи и события из областей науки и культуры, вводя имена исторических деятелей от Александра Македонского до Петра I, учёных – от Евклида до Бюффона, естествоиспытателей, врачей и философов – от Монтеня до Кабаниса и Галля. В романе «Рыцарь нашего времени» повествователь в одном предложении вступления может дать целую «россыпь» имён из древней истории («Неугомонный род людей, который называется авторами, тревожит священный прах **Нум, Аврелиев, Альфредов, Карломанов**»), а далее, рассказывая о детстве главного героя, провинциального дворянина Леона Радущина, в качестве некоего общекультурного «затекста» назвать виднейших европейских мыслителей Нового времени: Спинозу, Гоббса, Локка, Лафатера и др.

Литература

1. *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и её исторические корни. М., 1985.

2. *Топоров В. Н.* О «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина. Нарративная структура // Русская новелла (Проблемы теории и истории). СПб, 1993. С.26-63.

3. *Тираспольская А. Ю.* О принципе игры с читателем в повестях Н. М. Карамзина 1790-х годов // Литературная культура России XVIII века. Выпуск 3 / Под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской. Санкт-Петербургский гос. ун-т. Факультет филологии и искусств. 2009. С. 266 – 286.

Позднесоветский “предзакатный” кризис в отображении В. М. Шукшина (по сказке “До третьих петухов”, 1974 г.)

*Шульгин Владимир Николаевич,
Калининградское отделение Академии
геополитических проблем*

В.И. Ленин точно определил одно качество Льва Толстого как «зеркало русской революции». Великий художник отобразил «системный» кризис Старой России, чреватый её крахом. Он и состоялся в 1917 г. Л.Н. Толстой воплотил в себе дерзновенный поиск народом нового

облика *Русской правды* и, не сознавая того, оказался в состоянии духовной «расхристанности», как и вся Россия, – от верха до низа потерявшая *единую систему координат* или верную *точку опоры*. Последнее обстоятельство и было радостно ухвачено нашим сверхреволюционером, став мощным толчком к решающему натиску ниспровергателей «старого порядка» Империи.

В.М. Шукшин (1929–1974), в свою очередь, явился «зеркалом» назревавшего ухода в небытие Новой России. Он диагностировал угрозу, пытаясь её предотвратить, оздоравливая Отечество спасительным *духом народности*. Об этом свидетельствует и его итоговое произведение – сказка «Ванька, смотри», переименованная «Нашим Современником» («До третьих петухов»). Очевидной была шукшинская констатация этого почти уже назревшего краха, что уже отмечалось в литературе. Так, Г.В. Свиридов в 1990 г. назвал «эпоху брежневского консерватизма» «эпохой глубоких предчувствий», когда «вызревала большая национальная мысль». В.М. Шукшин шел вторым в подтверждающем списке художников слова (после Ф. Абрамова)¹. Эту же мысль, уточнив, высказал, Г.В. Распутин: годы творчества В.М. Шукшина «были, вероятно, переломными, в них ещё тайлось, *истаивая, спасение*, в них *окончательное перерождение только подготовлялось*». «Макарыч» старался достучаться до верхов, толкая их к возрождению Руси в духе Традиции, но те предпочли «обречённо дожидаться» крушения всего «под затверженную аллилуйю» (речь о «единственно верном» марксизме)².

В.М. Шукшин вскрыл духовное падение позднесоветской элиты с её лениво-самодовольным отказом понимать *цели* и *правду* национального бытия, с отвращением от *духа народности*, при соглашательстве с действительно тёмными силами, смешавшими добро и зло, и с неизбежным потому «опусканием» этого нравственного гниения в народ.

Несомненно, В.М. Шукшин стал продолжателем и проводником коренной национально ориентированной духовно-интеллектуальной традиции, начатой Ломоносовым, укреплённой Карамзиным и Пушкиным. Для её представителя характерен дар предвидения, отразивший их породнение с правдой *народного бытия*. Характерна череда пророчеств этих носителей *духа русизма*, – и о почти неизбежном торжестве нового российского «социального строя», и о его столь же неотвратимом крахе. Это предрекали до революции К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, а позднее – Л.П. Карсавин, А.В. Чаянов, П.А. Флоренский³.

¹ Свиридов Г.В. *Музыка как судьба. Изд. 2-е, дополненное.* М.: Молодая гвардия, 2017.

² Распутин В.Г. *Даёшь сердце! // Литературная Газета.* 2009. № 30 (6234). С. 1.

³ См. пророчества В.В. Розанова, напр., 1915 г. (были и более ранние): 1) «... революция умрёт разом и вся, как только душа человеческая наконец пресытится зрелищем этого монотонного вранья, хвастовства и самовлюблённости. Она умрёт эстетически. <...> Людям будет вообще гадко глядеть на эту ораву хвастунов, лгунов и политических хлыщей <...> “Хлыщ” может играть роль V века. Но века? Но 500 лет? Нет, нет и нет»; 2) «... Именно после страшной войны <...> ты и будешь, Россия, подведена под длинный нож, “который режет без боли”»; 3) «Но будет, будет заря. Ещё подышит “синий человек” лет 40, пожалуй – все 85 (два века, XIX и XX) и наконец – перевернётся книзу лицом, последний раз “укусит землю”, вздрогнет и вытянется» (Розанов В.В. *Мимолётное.* – М.: «Республика», 1994. С. 195, 220, 237).

«Замкнул круг» этих провидцев В.М. Шукшин и его соратники по «русской партии». Среди последних выделялись Г.В. Свиридов, Л.М. Леонов, В.И. Белов, В.Г. Распутин, Ю.П. Кузнецов, Л.И. Бородин и другие национальные литераторы-мыслители послевоенной России. Последние их представители недавно покинули нашу скорбную землю, дополнительно побуждая к думам об их общем наследии.

Очевидна духовно-идейная смычка В.М. Шукшина с В.В. Розановым. Шукшин, по сути, доказал верность ярких пророчеств Розанова, демонстрируя кончину искусственной «социальной» цивилизации, точно предсказанную предшественником. При этом они оба признали действительный «мегафакт» народности самой Революции, что было, отчасти, следствием ментального «народоизнасилования» России новой революционной элитой, зревшей всю вторую половину XIX в. при фактическом потворстве сановитого Петербурга по меткому наблюдению А. Блока («рождённые в года глухие пути не помнят своего»).

«Молодая Россия» сначала воспользовалась пленённым ею русским народным характером, отмеченным невиданным в христианском мире дерзновением, а затем, сумев организовать отражение очередного западного Нашествия 1940-х гг., отказалась «отдавать долги» русско-российским сословиям и людям, хотя это было возможно и крайне необходимо ради правильного вхождения великой страны-вселенной в новый этап своего бытия. Речь идёт, прежде всего, о многострадальном крестьянстве, «социально-совестном» становом хребте державы, который (из-за мнимой «неперспективности деревни») и продолжали у нас по инерции перешибать в 1960–70-е гг.

Тем самым, как показал В.М. Шукшин, верхи страны-сверхдержавы с мощными «культурными» свершениями дореволюционного и советского периодов вполне произвольно и самоубийственно отшатнулись от *русской народности* как и их дореволюционные «элитарные» предшественники, – также сторонники «бенкендорфовского» безликого *государственного патриотизма*, тревожа совесть новых Стенок Разных, побуждая к сопротивлению. Шукшин по-пушкински доказывал, что патриотизм выхолащивается, обрубая связи с главным народом державы, замыкаясь в бюрократически-этатистской стихии, пытаясь «крепить себя» давно сгнившими отвлеченными догмами.

Согласимся с выводом В.И. Белова: «Шукшин... был в центре борьбы за национальную... Россию <...> Пока не поймём, что интернационалистская ловушка и новая “демократическая” – это одно и то же, нам грозят всё новые и новые капканы, изобретаемые на другом берегу Атлантики для всех племён и народов. “Ванька, смот-

ри!»: *Шукшинское завещание* – название сказки – было злободневно все эти годы. Оно долго ещё будет необходимо России. Государство выдержит, пересварит... очередную свою перестройку или перетряску, как переварила Россия троцкистский набег в начале и в первой части прошлого века. Если будем глядеть в оба»⁴.

В.М. Шукшин своим жизненным подвигом показал, что возвращение русского стиля – это главная потребность Отечества, а также, что внутренние группировки, противодействующие национальному возрождению, пытаются сковать, сдержать сродное России дерзновение, по сути, в угоду мировым силам зла.

Роль литературных бестселлеров в искажении исторической памяти и их влияние на политику

*Шустов Алексей Владиславович,
Лаборатория социально-политических
технологий «АМП СПб»*

Влияние крупных литературных произведений на политические явления не осознано общественно-политической элитой как факт, который следует учитывать в своей текущей деятельности. Политологи и политики не понимают, что их мнение о событиях прошлого в некоторых аспектах является результатом усвоения ненаучных истин, оказавшихся в центре популярных литературных произведений. Рассмотрим четыре примера, иллюстрирующих разные ситуации возникновения искажений исторической памяти.

Первый пример – «Песнь о Роланде», средневековая эпическая поэма, в которой поражение арьергарда армии Карла Великого в Ронсевальском ущелье было связано с христианско-мусульманским противостоянием. Общеизвестно, что в реальности на арьергард напали не арабы, а баски. Однако не вызывает сомнений тот факт, что часть рыцарей, принимавших участие в Крестоносном движении, были вдохновлены поэмой о Роланде и желали «отомстить мусульманам». Мы видим, как искажение исторической истины в литературном произведении является основанием для реализации исторически значимого политического поведения.

Второй пример относится к исторической оценке того политического образования, которое в последние два века принято называть «Византийской империей». Негативное отношение к политическим практикам Нового Рима, или Константинополя, стало общим местом для европейской интеллектуальной элиты, во многом, под влиянием классического труда Эдварда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». Мрачная предвзятость автора по отношению к материалу сегодня признаётся в исторической науке. Вместе с тем, при анализе исто-

⁴ Белов В.И. Тяжесть креста // <https://www.booksite.ru/belov/interview/12.htm>

ков негативного отношения к истории средневекового государства римлян игнорируется роль Французской Энциклопедии в его формировании. Вызывает крайнее удивление соотношение объёма статей, описывающих две так называемые «империи». Объём материала об италийском императорском Риме составляет 61 абзац (29258 знаков), а о средневековом Новом Риме – всего 7 абзацев (3172 знака); отношение 9 к 1. Также обращает на себя внимание довольно странный подбор императоров, которые упомянуты в тексте об «империи Востока»: Константин I, Аркадий, Юстиниан I, Фока. Автором обеих статей был Луи де Жокур, который написал около 25% всех текстов Энциклопедии, то есть выдавал в среднем по 8 статей в день в течение 6 лет, без выходных и праздников. Понятно, что при такой скорости о какой-либо качественной работе над материалом большинства статей не могло быть и речи. Вместе с тем, в тексте об италийском Риме имперского периода он подробно одного за другим перечисляет многих императоров из нескольких династий, давая нам в целом более-менее ясную и сбалансированную картину политических событий эпохи.

Французская Энциклопедия на протяжении нескольких десятилетий была важным источником информации для представителей образованного класса Европы, включая Россию. Специфика отражения истории двух обсуждаемых исторических периодов в Энциклопедии способствовала формированию возвышенного отношения к прошлому италийского Рима и пренебрежительного отношения – к истории Рима на Босфоре. Следует заметить, что для современной политической практики в опыте державы ромеев есть весьма интересные и полезные кейсы, которые остаются за пределами внимания из-за общей негативной установки.

Третий пример – проникновение понятия «демократия» в словарь европейской политической элиты. Оно произошло в середине 1830–1840-х годов после выхода книги Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке». Работа была воспринята в беспокойной тогда Европе как ода либеральному политическому порядку, будто бы приносящему гармонию и процветание. Возник-

ло мнение, что именно распирение избирательного права является катализатором позитивных общественных изменений. В случае книги де Токвиля на общественное сознание влияло даже не столько содержание книги, сколько её название и сиюминутное восприятие политическими элитами Франции тех лет. Ведь автор, оценив новшества, которые принесла в американскую политическую систему демократия, подробно критиковал многочисленные недостатки американской политической системы и общественной жизни, а также фактически предсказал Гражданскую войну. Но оказалось, что общественное сознание может отражать не реальное содержание литературного произведения, а лишь миф о нём.

Последний пример продемонстрирует, что и сегодня литературные произведения, искажённо отражаясь в общественном сознании, могут приводить к исторически ошибочным представлениям. Считается, что во время губернаторских выборов 1996 года в Петербурге руководителем избирательной кампании Анатолия Собчака был Владимир Путин. Об этом можно услышать от журналистов, экспертов, политиков. Так как я сам принимал участие в работе штаба, то могу с уверенностью говорить о том, что Путин его не возглавлял, лишь изредка касаясь работы, связанной с выборами. Когда пытаешься поправлять собеседников, находящихся в плену мифа, то лучшее, чем они могут ответить – это сослаться на книгу «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным», в которой будто бы сказано, что именно он возглавлял штаб. В книге ничего такого нет, но люди, пребывающие в заблуждении, не считают нужным проверять. Транслируемое ими мнение стало общепринятым, закрепившись в общественном сознании.

Пусть ситуация, касающаяся роли Владимира Путина в губернаторской избирательной кампании 1996 года, не привела к значительным в историческом масштабе ошибочным политическим выводам, да и вряд ли приведёт, но сам механизм образования ошибок в восприятии и их закрепления показывает, что в наше время мало что изменилось, и подтверждает, что затронутая проблема заслуживает серьёзного внимания.

*Тезисы научно-практической конференции (9 марта, 2019 г.)
«История и литература: прошлое и современность»
публикуются в журнале «Литературный Микс» №19, 2019 г.
(Главный редактор - Елена Мошко,
литературный редактор - Александр Траберт)*

www.artlitmix.com

Турецкая иммигрантская литература в Европе

Аврутина Аполлинария Сергеевна,
Санкт-Петербургский государственный университет

Уже несколько десятилетий, несмотря на изменчивую внешнюю политику, Турецкая Республика в той или иной мере ассоциирует себя с Европой, о чем говорит, впрочем, ее до сих пор не прерванная, несмотря на риторику, официальная ассоциация с Европейским союзом.

Присутствие турецкой литературы на поле современной европейской словесности (и стремление турецкой литературы прочнее привязать себя к западной, европейской литературной традиции) позволяет говорить о нескольких группах, объединивших турецкую литературу на Западе:

1 – турецкая литература, переведенная на европейские языки;

2 – публикации турецких писателей и поэтов, которые проживают в странах Западной Европы, однако пишут как на турецком языке, так и на европейских языках (*турецкая иммигрантская литература*). Авторы, в основном, эмигрировали из Турции не по своей воле, а по политическим либо экономическим причинам. Эти люди не ассимилировались на новой родине, а наоборот, поддерживают тесную связь с турецкой общиной и родными в Турции, многие возвращаются в Турцию, почти все пишут о Турции и турках;

3 – публикации турецких писателей, которые живут в Западной Европе, однако пишут и издаются только на европейских языках (на турецком языке их произведения, как правило, выходят в авторизованном либо обычном переводе). Эти авторы, в основном, из состоятельных семей, выросли либо длительное время обучались/работали в Европе и живут по европейским традициям, часто на несколько стран. Тематика их произведений выходит далеко за рамки проблематики турецкой диаспоры да и вообще Турции (предлагаем именовать эту литературу *турецкая иммигрантская литература второй волны*).

В представленном докладе будут рассмотрены произведения писателей, относящихся к группе №2 и №3.

Если говорить о группе №2, то речь идет об авторах, которые постоянно проживают в Швеции, Германии, Голландии и Франции, но пишут как на турецком языке, так и на европейских языках. Самыми известными из них являются Эмине Севги Оздамар и Недим Гюрсель (их романы переведены на русский язык с немецкого и турецкого, соответственно). Если сравнить тематику их творчества, что Недим Гюрсель пишет о жизни Турции и турок и о внутренних проблемах типичного, среднестатистического турка. Его романы отличает глубокий психологизм и даже эротизм. Что касается Эмине Севги Оздамар, то она давно считает себя больше немкой, нежели турчанкой и является не только известным в Германии писателем, но и режиссером, а также актрисой. Пишет, выступает и играет она исключительно на немецком языке, однако к группе №2 ее позволяет отнести тематика романов: в основном они посвящены внутренним проблемам турецкой диаспоры в Германии. Следует упомянуть еще одного весьма известного писателя, Мурата Тунджаля, проживающего в Голландии: его исторические романы, посвященные анатолийскому средневековью, еще не были переведены в России, однако очень популярны в Турции.

Самыми известными представителями группы №3 являются Аслы Эрдоган и Элиф Шафак. Пишут обе исключительно на европейских языках, на турецкий их переводят профессиональные переводчики. Разумеется, данный факт не означает, что обе писательницы не владеют турецким языком – ведь именно на турецком они работали на заре литературной карьеры. Что касается тематики их произведений, то она, в целом, интернациональна. Если Эрдоган пишет о собственном опыте в разных странах мира, то Шафак предпочитает более «ходовой товар» и с большим успехом поставляет миру восточные сюжеты, охватывающие известный круг тем: проблемы вероисповедания, конфликт западной и восточной цивилизаций, проблемы женщины Востока и т.д.

